

географическим условиям, с которыми, по мнению автора, также связано появление определенных рабочих функций орудий.

Автор выделяет две главных категории земледельческих орудий, предназначенных для обработки земли,— мотыги и орудия прополочного типа.

Особенности развития земледельческой техники в различных природных зонах Северной Тропической Африки исследуются во второй части работы, где автор приходит к выводу, что традиционные земледельческие орудия, господствующий способ обработки земли и общий уклад земледельческой жизни тесно связаны с этнографическими особенностями той или иной этнической группы (стр. 106).

А. Ролен иллюстрирует свою мысль многочисленными примерами, почерпнутыми преимущественно из истории африканского земледелия со времени европейской колонизации.

Специальную часть работы составляет рассмотрение процессов изменения земледельческой техники. Указывая на значительное консервирующее влияние традиционного разделения труда по полу и возрасту, автор высказывает мнение, что изменения в сельскохозяйственной технике зависят от демографических и экономических условий лишь в той мере, в которой они вызываются элементарными материальными потребностями общества (стр. 138).

Важную проблему происхождения и истории распространения земледельческой техники в странах Африки А. Ролен решает на материалах наиболее развитой сахельской сельскохозяйственной зоны Северной Тропической Африки. А. Ролен опровергает мифические представления о заимствовании из Европы прополочного орудия типа «илер». Он связывает его появление со спецификой природных условий южной окраины Сахары и развитием земледелия кочевников (стр. 156).

Вопросы развития земледельческой техники имеют особое значение в настоящее время в связи с предполагаемым значительным ростом населения Северной Тропической Африки — на 59—83% за двадцать лет, к 1985 г. (согласно приведенным А. Роленом данным по трем странам — Сенегалу, Нигеру и Чаду). Но сколько-нибудь значительное развитие земледельческой техники и земледелия в данной области представляется А. Ролену проблематичным. Он подчеркивает глубокую специфичность экономического развития этих стран, поскольку протекающие там этнические и исторические процессы крайне своеобразны. Вообще, отмечает А. Ролен, условия, сложившиеся в странах Северной Тропической Африки, мало благоприятны для развития земледельческой техники. Но, может быть, спрашивает он, залогом прогресса будут те внутренние силы, которые освободились в этих странах после завоевания независимости? Во всяком случае, заключает он, решение задачи надо искать на этом пути.

В целом следует сказать, что книга А. Ролена, несмотря на наличие ряда спорных положений, привлекает читателя ценным фактическим материалом и широтой постановки проблемы.

Л. А. Фадеев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Культура и быт народов Америки. Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XXIV, Л., 1967, 308 стр.

Очередной сборник работ ленинградских этнографов и антропологов посвящен памяти Ильи Гавриловича Вознесенского и подготовлен к 150-летию со дня его рождения.

В истории отечественной науки И. Г. Вознесенский (1816—1871) занимает особое место. Выходец из трудовой среды, получивший лишь самое элементарное образование, он не имел степеней и званий и не принадлежал к касте официальных ученых. И тем не менее этот одаренный самородок смог, благодаря своим незаурядным способностям и трудолюбию, оказать русской науке услуги, ничуть не меньшие, нежели иной дипломированный ученый муж. Находясь в 1840—1845 гг. в Русской Америке, этот скромный preparator Зоологического музея сумел собрать там ценнейшие этнографические материалы. Предметы, доставленные в Россию И. Г. Вознесенским, составили одну из важнейших частей той уникальной коллекции по этнографии народов Северной Америки, которой располагает и по праву гордится Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Выход в свет сборника, посвященного памяти И. Г. Вознесенского, следует приветствовать вдвойне: и как дань уважения неутомимому труженику отечественной науки, и как первую широкую публикацию работ, хотя бы частично раскрывающих богатейшие фонды МАЭ в области этнографии Америки. Нельзя не отметить, что семь статей рецензируемого сборника (из одиннадцати) полностью или частично основаны на изучении коллекций, собранных самим И. Г. Вознесенским. Вместе с тем почти каждая из представленных здесь статей продолжает и развивает многолетнюю исследовательскую работу их авторов в той или иной области американистики.

Сборник открывается большой историко-этнографической статьей Р. Г. Ляпуновой «Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки» (стр. 5—33), построенной на большом архивном материале. Содержание работы, несомненно, шире заглавия: знакомя читателя с основными этапами малозученных до сих пор жизненного пути и научно-экспедиционной деятельности Вознесенского, Р. Г. Ляпунова дает вместе с тем как бы введение в историю русской этнографии Северной Америки. Другая статья Р. Г. Ляпуновой — «Зооморфная скульптура алеутов» (стр. 38—54) — построена на сопоставлении экспонатов алеутской коллекции МАЭ с опубликованными материалами зарубежных коллекций и служит удачным продолжением ранее опубликованных статей того же автора, посвященных изучению самобытной и ныне почти исчезнувшей культуры алеутов.

Большая, тщательно выполненная статья Э. В. Зиберт (стр. 55—84) переносит нас с островов на континент: в ней дано обстоятельное описание коллекций первой половины XIX в. по северным атапаскам. К этой работе примыкает статья И. П. Труфанова «Кенайские томагавки из этнографической коллекции И. Г. Вознесенского» (стр. 85—92), освещающая частный, но весьма интересный вопрос истории материальной культуры тех же атапаскских племен. Следует только отметить, что автор допускает ошибку, называя описываемый им вид оружия томагавком¹.

На широком материале, почерпнутом из сборов как И. Г. Вознесенского, так и других отечественных путешественников и ученых — от И. И. Биллинса (1791 г.) до Ю. П. Аверкиевой (1930-е годы) — основана статья Р. С. Разумовой «Плетеные изделия северо-западных индейцев» (стр. 93—123), где большое внимание уделяется освещению вопросов техники и технологии ремесленного производства, что нельзя не поставить автору в заслугу.

Самый северный «край» освещаемого на страницах сборника этнографического ареала представлен небольшим сообщением Д. А. Сергеева «Железные резцы из сборов И. Г. Вознесенского» (стр. 34—37). Автор, продолжая свои работы по этнографии Берингоморья, рассматривает здесь железные резцы, приобретенные у берингоморских эскимосов И. Г. Вознесенским, справедливо видя в этих предметах одно из доказательств раннего знакомства аборигенов Арктики с железом.

П. М. Кожин выступает в сборнике с двумя работами, перенося внимание читателя в значительно более южные области — на Юго-Запад нынешней территории США. В первой из этих статей — «Плетеные сосуды индейцев Калифорнии» (стр. 124—139) — перед автором стояла задача тем более трудная и увлекательная, что документация сборов И. Г. Вознесенского, из которых в основном и составилась коллекция калифорнийских предметов МАЭ, оказалась как раз в этой своей части неполной. По существу П. М. Кожину пришлось восстанавливать атрибуцию предметов определенным племенам спустя 125 лет после приобретения этих предметов. И, надо сказать, задача эта была выполнена исследователем с успехом. Другая работа П. М. Кожина представляет собою описание хранящихся в МАЭ образцов керамики индейцев пуэбло (стр. 140—146) — образцы эти в свое время были получены музеем от зарубежных этнографов в качестве дара. Отрадно, что автор твердо стоит на позициях сторонников теории конвергентности и не поддавался соблазну истолковывать черты сходства указанных предметов с аналогичными памятниками материальной культуры народов Старого Света с позиций диффузионизма.

Большое место в рецензируемом сборнике заняли работы, посвященные антропологии и этнографии аборигенного населения Кубы: статья Т. А. Поповой и Э. Е. Фрадкина «Древние культуры Кубы» (стр. 147—179) и капитальное исследование проф. В. В. Гинзбурга «Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы» (стр. 180—278). Появление этих работ в нашей научной прессе — прямой результат тесных творческих контактов, установившихся после победы кубинской революции между советскими учеными и их коллегами с острова Свободы. В области антропологии и этнографии контакты эти выразились, в частности, в научных командировках ряда советских специалистов на Кубу и в передаче кубинскими учеными в дар Музею антропологии и этнографии небольшой, но весьма ценной археологической коллекции. Еще недавно изучение древнейшего прошлого Кубы было монополией узкого круга буржуазных исследователей (главным образом ученых США), а ученым-марксистам приходилось знакомиться с археологическими и этнографическими источниками по ранней истории Кубы лишь опосредствованно (и притом в интерпретации, отнюдь не всегда объективной). Ныне не только перед молодой, успешно овладевающей марксистской методологией этнографической и антропологической наукой Кубы, но и перед советскими учеными открылась возможность непосредственного изучения древних культур Кубы на подлинных памятниках.

Упомянутые выше статьи и являют собой начало, и притом далеко не безуспешное, такого изучения. Следует отметить, в частности, что Т. А. Попова и Э. Е. Фрадкин, не ограничиваясь описанием кубинской коллекции МАЭ, сопоставляют некоторые из ее экспонатов с предметами, хранящимися в других коллекциях музеев и происходящими из иных частей света (стр. 159).

Работа В. В. Гинзбурга — детальное исследование в области краниологии аборигенов Кубы, где результаты, добытые во время научной командировки автора на остров,

¹ Ср.: H. L. Peterson, *American Indian Tomahawks*, [New York], 1965.

обобщены вместе с данными, полученными при анализе черепов из других стран Западного полушария. Краниометрические принципы, разработанные Г. Ф. Дебецем и давно взятые на вооружение советскими антропологами, впервые применены здесь к кубинскому материалу. Детальная оценка работы, проделанной В. В. Гинзбургом, — дело будущего, поскольку его измерения (кстати говоря, сведенные в несколько больших, тщательно выполненных таблиц) и весьма интересные выводы, несомненно, послужат одним из исходных моментов для дальнейших, более широких обобщений в области антропологии и этногенеза аборигенного населения Нового Света в целом.

На заключительных страницах сборника внимание читателя достигает самой южной точки представленного в книге ареала — о. Ямайки. Этой земле, совсем недавно завоевавший независимость, долго не везло в нашей исторической и, в частности, этнографической литературе. Помещенная в рецензируемом издании статья А. Д. Дридзе «Маруны Ямайки во второй половине XVIII в.» (стр. 279—306) освещает одно из самых темных пятен в этнической истории острова — проблему марунов, т. е. беглых рабов-негров, на протяжении многих десятилетий мужественно отстаивавших свое право на свободное существование. Автору, располагавшему крайне скудными, отрывочными и зачастую противоречивыми данными документальных и мемуарных источников, удалось нарисовать весьма убедительную картину социальной организации, культуры и быта марунов в период сравнительно мирного «сосуществования» этой этнографической группы с колонизаторами (1738—1795 гг.). Статья А. Д. Дридзе, однако, лишь раздел большого исследования по социально-политической и этнической истории марунов (ср. стр. 279), и нельзя не пожелать, чтобы исследование это было опубликовано полностью.

В заключение — несколько общих соображений по сборнику в целом. Все работы, в нем представленные, отличаются стройностью аргументации, четкостью выводов, простотой и ясностью языка. Здесь, несомненно, сказалось не только научно-литературное мастерство авторов, но и должное качество редактуры. Хорошо выполнены (А. С. Фатеевым) многочисленные рисунки, а также картосхемы.

В то же время хотелось бы, чтобы по возможности в каждой статье, пусть посвященной самому узкому, частному вопросу, пусть чисто «вещеведческой», намечалась связь рассматриваемой частности с более общими, широкими проблемами (скажем, расоведения или этногенеза, этнической географии или истории культуры, и т. п.) — так, как это сделано, например, в статьях П. М. Кожина, В. В. Гинзбурга, Р. С. Разумовской и некоторых других авторов. Хотелось бы также видеть сборник свободным от мелких, но досадных шероховатостей. В частности, то, что названо в книге «Введением» (стр. 3—4) — не что иное, как предисловие. Малооснованно, на наш взгляд, противопоставление предметов из этнографических сборов «древним образцам» (стр. 140); вряд ли следует считать удачным выражение «древние аборигены» (стр. 180 и сл.). Кое-где наблюдаются отступления от общепринятой транскрипции географических названий и личных имен — вместо правильного «Нуньес» читаем «Нуньес» (стр. 147, 181), вместо «Орьенте» — «Ориенте» (стр. 147—150, 153—154, 157 и сл.), вместо «Тринидад» — «Тринидат» (стр. 178).

И, наконец, пожелание на будущее. Американские коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР поистине уникальны (истертый за последние годы этот эпитет в данном случае как раз не заключает в себе ни малейшего риторического преувеличения), они пользуются заслуженно высокой репутацией среди ученых всего мира. И у ленинградских этнографов — хранителей этих бесценных сокровищ — имеются широкие возможности продолжать на базе столь богатых коллекций успешные исследования в области американистики, охватывая все новые и новые географические регионы и этнические общности Западного полушария. Есть, таким образом, все основания надеяться, что в недалеком будущем появятся новые интересные научные сборники, посвященные раскрытию и анализу американских фондов музеев.

В. Л. Афанасьев